

DOI 10.18522/2415-8852-2019-4-16-42

УДК 821.112.2

**«ДА, Я ТОЛЬКО СТРАННИК, ТОЛЬКО СКИТАЛЕЦ НА ЗЕМЛЕ!
А ЧЕМ ВЫ ЛУЧШЕ?»: СТИХОТВОРЕНИЕ И.В. ГЁТЕ «СТРАННИК»
И «СТРАДАНИЯ ЮНОГО ВЕРТЕРА»**

Ирина Анатольевна Черненко

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории мировой литературы Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону).

e-mail: i.a.chernenko@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена сквозному для всего творчества Гёте мотиву странствования и его воплощению в стихотворном диалоге И.В. Гёте «Странник» (1772) и романе «Страдания юного Вертера» (1774). В романе обнаруживается характерное для творчества Гёте «контрастное сочетание странника и идиллии» (Kaiser), которое впервые появилось у Гёте в «Страннике». В статье продемонстрированы как сходство деталей, конституирующих идиллию в романе и диалоге (женские образы, эстетические мотивы, новаторский пейзаж и т. д.), так и зеркально противоположные трактовки мотива странничества в этих произведениях. Вертер в статье представлен как необычный для творчества Гёте вариант образа странника, который жаждет прервать свое странствие.

Ключевые слова: Иоганн Вольфганг Гёте, «Странник», «Страдания молодого Вертера», идиллия, пейзаж, странник, мотив странничества.

Поэтический диалог в свободных стихах «Странник» (“Der Wandrer”)¹, подписанный инициалами “Т.Н.”, был напечатан в геттингенском «Альманахе муз» за 1774 г. (см. приложение).

С одним из издателей альманаха Ф.В. Готтером И.В. Гёте сблизился во время своего пребывания в Вецларе (май – сентябрь 1772 г.) в качестве практиканта Имперской судебной палаты. Тогда же в Вецларе разыгралась история несчастной влюбленности Гёте в Шарлотту Буфф, история, воплотившаяся в роман «Страдания юного Вертера» (1774). Время создания стихотворения – комментаторы называют 1771 г. или весну 1772 г. – все-таки не совпадает со временем «страданий юного Гёте». Однако сам автор однажды в письме к И.К. Кестнеру, своему счастливому сопернику в любви к Лотте, трактовал “Der Wandrer” биографически. Речь идет о письме Гёте из Франкфурта от 15 сентября 1773 г.

Получив «первый лист “Альманаха муз”», Гёте сообщил Кестнеру: «На пятнадцатой странице ты встретишь *Странника*, которого я в сердце связываю с Лоттой. Он создан в моем саду в один из лучших дней. Лотта – в самом сердце, а тихое довольство и все ваше будущее блаженство – перед <глазами> моей души. Если ты посмотришь правильно, то обнаружишь больше личного в обстоятель-

ствах, чем должно быть заметно, ты узнаешь в аллегории Лотту и меня, и то, что я чувствовал при ней сто тысяч раз. Но не выдавай этого ни одному человеку. Пусть это будет свято...» [Goethe 1773]. И далее Гёте указывает, что работа над романом продвигается медленно.

При публикациях “Der Wandrer” может включаться в раздел так называемых *Künstlergedichte* – стихов об искусстве и художнике. В «Страннике» обнаруживаются переклички (мотивные, стилистические) с самыми известными произведениями Гёте-штюрмера и неожиданно предвосхищаются идеи и жанровые эксперименты Гёте эпохи классики. Однако немецкая публика сначала приняла стихотворение лишь как привычную патриархальную идиллию в духе почитаемого тогда поэта Соломона Гесснера, оказавшего некоторое влияние на Гёте. Но “Der Wandrer” – даже в границах жанра идиллии – стихотворение новаторское. Г. Кайзер увидел в нем высшую точку преодоления идиллической традиции, господствовавшей в Германии XVIII в. Разница между патриархальной идиллией, и идиллией, явленной в “Der Wandrer”, состоит, прежде всего, в специфике описаний природы: в стихотворении Гёте нет пейзажей, не пропущенных сквозь призму взгляда странника, нет пейзажей, не переживаемых героем.

¹ Русскоязычному читателю поэтический диалог известен в переводе В.А. Жуковского под названием «Путешественник и поселанка» (1819) [Жуковский: 111,113,115,117,119,121,123].

Заглавие стихотворения указывает на значимость, даже на главенство, мотива странствования, чему можно найти объяснение в жизнеописании молодого Гёте. По свидетельству биографов, Гёте несколько месяцев 1772–1773 гг. «все время был в пути между Франкфуртом, Дармштадтом и Гомбургом, так что его называли “Странником”. Это слово надо понимать и в переносном смысле: странничество в поисках самоосуществления» [Конради: 209].

Как известно, мотив странствования – сквозной для всего творчества Гёте. И речь идет не только о знаменитых лирических опытах «Песнь странника в бурю» (“Wandrer Sturmlied”, 1772), «Ночная песнь странника» (“Wandrer Nachtlied”, 1776) или «Другая <ночная песнь странника>»¹ (“Ein gleiches”, 1780), но обо всем корпусе его сочинений. Образ странника выявляется, например, в «Римских элегиях» (1788–1790). А для автобиографического «Итальянского путешествия» (1816–1817), для романов о Вильгельме Мейстере и для второй части «Фауста», завершенной автором незадолго до смерти, мотив движения по пути – организующий, определяющий как проблемно-тематический комплекс, так и архитектонику произведений.

Роман «Страдания юного Вертера» исследователей мотива странствования в творче-

стве Гёте привлекает мало. Между тем обнаруживается ряд концептуально важных деталей, указывающих на возможность сопоставить образы странника из диалога “Der Wanderer” и Вертера, тем самым подчеркнув, сделав более заметным мотив странствования в романе о Вертере.

«Странник и идиллия». О непростой простоте идиллического сюжета “Der Wanderer”

Мотив странствования во многих произведениях Гёте сопрягается с идиллическими топосами. Этому союзу посвящены исследования известнейшего германиста Г. Кайзера: монография «Странник и идиллия. Гёте и феноменология природы в немецкой поэзии от Гесснера до Готтфрида Келлера» [Kaiser 1977] и доклад «Странник и идиллия в творчестве Гёте – специально в “Фаусте”», представленный Гётевскому обществу в Веймаре [Kaiser 2003]. “Der Wanderer” – идиллия в жанровом отношении – показательный пример такого союза, и, как утверждает Кайзер, «контрастное сочетание странника и идиллии» [Kaiser 2003: 31] впервые появляется у Гёте в 1772 г. именно здесь.

Стихотворение представляет собой диалог заглавного героя (странника, путника, путешественника) и крестьянки (ее реплики обозначены просто “Frau”, однако женщина

¹ По первому стиху в переводе. М.Ю. Лермонтова – «Горные вершины...».

рассказывает, что ее муж – пахарь). Диалог «вписан» в незамысловатую сюжетную схему: странник, совершающий пешее путешествие по Италии (из реплик следует, что Кумы – в трех днях пути), встречает женщину с ребенком на руках. Они идут вместе до ее хижины, построенной из обломков античного храма. Там женщина просит путника подержать спящего младенца, чтобы сходить к колодцу. Далее хозяйка предлагает гостю хлеб и воду, чтобы тот подкрепил силы. Ее малыш просыпается. Гость уточняет дорогу и прощается¹.

Основная часть миниатюры разворачивается в декорациях, с живописной яркостью обрисованных в репликах странника: «Следы созидательной человеческой руки / Среди кустов! / Эти камни не ты сложила, “обильно-щедрая природа”²! / <...> / Мхом покрытый архитрав! / Я узнаю тебя, творческий дух! / Твоей печатью отмечены эти камни. / <...> / Надпись – я ее переступаю! / Нельзя прочесть! / Вы исчезли, / Глубоко вытисненные слова, / Вы, которые вашего творца благоговение / Должны были показать тысячам внуков»³.

¹ Современники Гёте не удержались от искушения определить место на карте, где произошла встреча странника и молодой крестьянки. Однако автор в письме к К.Ф. Цельтеру от 28 июня 1831 г. разъяснял, что место это найти невозможно, так как стихотворение было написано задолго до его путешествия по Италии в 1771 г., «а значит, за много лет до моего итальянского путешествия. Но преимущество поэта в том, что он предвидит и заранее ценит то, что искатель реальности, найдя и узнав в реальном мире, должен любить вдвойне и чему в высшей степени радоваться» [Goethe 1831].

² Гётевский неологизм в переводе В.А. Жуковского.

³ Здесь и далее подстрочный перевод автора статьи. Оригинальный текст:

Spuren ordnender Menschenhand

Zwischen dem Gesträuch!

Diese Steine hast du nicht gefügt,

Reichhinstreuende Natur!

<...>

Von dem Moos gedeckt ein Architrav!

Ich erkenne dich, bildender Geist!

Hast dein Siegel in den Stein geprägt.

<...>

Eine Inschrift, über die ich trete!

Nicht zu lesen!

Weggewandelt seid ihr,

Tiefgegrabne Worte,

Die ihr eures Meisters Andacht

Tausend Enkeln zeigen solltet [Goethe 1960: 390].

Ответные реплики собеседницы обыденны, конкретны, не выходят из круга повседневных забот. Кажется, что ее глазам и глазам странника предстают совершенно разные картины: «*Поселянка*¹: Ты с удивлением глядишь, чужестранец, / На эти камни? / Таких камней много там, наверху, / Вокруг моей хижины. / <...> / *Странник*: Вы, музы и грации! / *Поселянка*: Это моя хижина. / *Странник*: Храма развалины! / *Поселянка*: Здесь в сторонке, немного ниже, / бьет ключ, / Там я беру воду»².

Многие исследователи отмечают, что их противоположные способы воссоздания действительности могут иллюстрировать понятия, возникшие гораздо позже благодаря статье Ф. Шиллера «О наивной и сенти-

ментальной поэзии» (1795–1796). *Поселянка*, подобно «наивному» поэту, точно передает действительность, ее «сухая правдивость в обращении с предметами нередко кажется бесчувственностью» [Шиллер: 405]. *Странник*, как «сентиментальный» поэт, «размышляет над впечатлением, которое производят на него предметы, и волнение, испытываемое им самим и передающееся нам, основано только на этом его размышлении» [Шиллер: 413]. Контраст между почти экстатическим художественным переживанием странника и сосредоточенностью женщины на обыденных деталях создает комический эффект.

Стихотворение строится как целая система антитез, где итогом столкновения противоположностей становится их примирение.

¹ Называем героиню так, как назвал В.А. Жуковский в своем переводе.

² *Frau*

Staunest, Fremdling,
Diese Stein' an?
Droben sind der Steine viel
Um meine Hütte.

<...>

Wandrer

Ihr Musen und Grazien!

Frau

Das ist meine Hütte.

Wandrer

Eines Tempels Trümmer!

Frau

Hier zur Seit hinab

Quillt der Brunnen,

Den ich trinke [Goethe 1960: 390–391].

Выделим основные, на наш взгляд, антитезы, варьирующиеся в “Der Wanderer”: странствование – оседлость, мир творческого воображения – реальность, искусство – природа.

Странник воплощает неустанное движение по пути, поселанка – «приращенность к месту»¹, к своей хижине. Однако именно поселанка указывает чужеземцу сначала дорогу к источнику, затем объясняет, что выбранная им горная тропа ведет в Кумы. Так движение героя оказывается обусловленным «неподвижностью» собеседницы. Кумы – единственное собственное имя в произведении и, как представляется, значимое. Оно аллюзивно указывает на «Энеиду» Вергилия: Кумская сивилла объяснила страннику Энею, как попасть в царство мертвых для встречи с Анхизом, без которой Эней не смог бы осуществить свою судьбу. Случайно встреченная крестьянка помогла страннику понять, что хотел бы он найти в конце своего пути: «И когда я вернусь / Вечером домой, / К <своей> хижине, / Позолоченной последним лучом солнца, / Пусть меня встретит такая же женщина / С мальчиком на руках!»²

“Der Wanderer” предвосхищает веймарские опыты Гёте по освоению античных жанровых форм. По диалогической форме стихотворение имеет сходство с античной буколикой и мотивно перекликается с первой эклогой Вергилия. Мелибей – путник, лишенный дома, изгнанный со своей земли, встречает пастуха Титира, счастливого в своей бедной хижине, покрытой дерном. Титир предлагает Мелибею отдых и пищу, перед тем как ему придется снова отправиться в путь. Эклога завершается картиной безмятежного сельского вечера (в римской поэзии «деревенский сон – это предел деревенской безмятежности, деревенского otium; и это необходимая часть традиционной топики похвал радостям сельской жизни» [Аверинцев: 40]):

Уж в отдаленьи – смотри – задымились сельские кровли,

И уж длиннее от гор вечерние тянутся тени.

(пер. С. Шервинского) [Вергилий: 31].

Финальный аккорд “Der Wanderer” кажется весьма близким первой эклоге Вергилия: уми-

¹ Известная характеристика идиллического хронотопа из работы М.М. Бахтина «Формы времени и хронотопа в романе» [Бахтин: 158].

²Und kehr ich dann

Am Abend heim

Zur Hütte,

Vergoldet vom letzten Sonnenstrahl,

Laß mich empfangen solch ein Weib,

Den Knaben auf dem Arm! [Goethe 1960: 395]

ротворяющая вечерняя картина, где у хижин, освещенной лучами заходящего солнца, героя встречает «женщина с младенцем на руках». Однако гётевский герой отнюдь не по принуждению, как Мелибей, пускается в путь: форма его существования – движение. Его идиллический проект – мечта; странник может и не превратиться в мудреца, выбирающего радости сельской жизни.

Высокие думы странника заняты размышлением о древнем мастере и его разрушенном шедевре; поселянка же, никогда не отрывающаяся от реальности, занята насущными нуждами своей семьи. Странник прозревает своим художническим взором прекрасное произведение искусства на месте руин, однако физическим зрением он

видит, что храм уничтожен и поселянка живет в хижине, построенной из каменных останков уже не существующего шедевра: «Плющ обвил твои изящные / Изваяния богов. / Как вы устремляетесь ввысь / Из <груды> разбитого камня, / Пара колонн! / А ты, их одинокая сестра, там! / Как вы, / угрюмым мхом <убрав> священные главы, / Величественно скорбя, смотрите вниз, / На разбитых вдребезги / У вашего подножия / Братьев и сестер!»¹

За экфрасисом следует упрек странника природе, разрушившей храм: «Так ты ценишь, природа, / Мастерское творение своего мастерского творения? / Равнодушно ли ты разрушила / Свое святилище? / И посеяла там чертополох?»²

¹ Efeu hat deine schlanke
Götterbildung umkleidet.
Wie du emporstrebst
Aus dem Schutte,
Säulenpaar!
Und du, einsame Schwester dort!
Wie ihr,
Düstres Moos auf dem heiligen Haupt,
Majestätisch trauernd herabschaut
Auf die zertrümmerten
Zu euern Füßen,
Eure Geschwister! [Goethe 1960: 391–392].

² Schättest du so, Natur,
Deines Meisterstücks Meisterstück?
Unempfindlich zertrümmerst du
Dein Heiligtum?
Säest Disteln drein? [Goethe 1960: 392]

Природа и искусство «примиряются» в монологе странника, который произносится им после пробуждения малыша, последовавшего сразу за рассказом поселянки о смерти ее отца. Картина естественного круговорота жизни и смерти заставляет странника «проснуться», прозреть истину: «Природа! ты, вечно дающая ростки, / Создаешь каждого для наслаждения жизнью...»¹

Поселянка и Лотта: женщина как константа гётевских идиллий

Доказывать после М.М. Бахтина, что «Страдания юного Вертера» – одно из известнейших в мировой литературе романских воплощений идиллического хронотопа, не представляется необходимым: исследователь часто иллюстрировал свою концепцию именно примерами из этого произведения [Бахтин: 157–176].

В границах нашей темы важно, что в стихотворении “Der Wanderer” и в «Страданиях молодого Вертера» варьируются одни и те же идиллические топосы. 1. Странник встречает женщину, кормящую младенца, – Вертер впервые видит Лотту в окружении детей (рис. 1). 2. Молодая жена пахаря рассказывает страннику об отце, построившем хижину, выдавшем ее замуж и умершем на руках свои близких, – Лот-

Рис. 1. Вильгельм фон Каульбах. Лотта, кормящая детей.

та рассказывает Вертеру о матери, которую она заменила братьям и сестрам. 3. Гостеприимная хозяйка угощает странника хлебом – Лотта наделяет ломтями черного хлеба своих братьев и сестер «сообразно их годам и аппетиту» [Гёте 1978:

¹ Natur! du ewig keimende,
Schaffst jeden zum Genuß des Lebens... [Goethe 1960: 394]

19]. 4. Странник, испытывая жажду, спрашивает, где женщина берет воду, и та указывает ему путь, затем сама приносит ему воды – Вертер, представляя «патриархальную жизнь», каждый день просиживает возле загородного источника: «...я словно воочию вижу, как все они, наши праотцы, встречали и сватали себе жен у колодца и как вокруг источников и колодцев витали благодетельные духи» [Гёте 1978: 10]. Приведенный комплекс мотивов, где доминирующим является мотив единства жизни поколений семьи в ее «органической прикреплённости, приращённости к месту» [Бахтин: 158], определяет патриархальную семейную идиллию.

Безусловно, фигуры Лотты и поселянки не имеют близнечного сходства. В случае с героиней романа о Вертере можно вспомнить о влиянии «Векфилдского священника» (1766) О. Голдсмита. А силуэт поселянки намечается как проекция образа Мадонны с младенцем. Однако обе героини неразрывно связаны с домом и традиционным семейным укладом. Образ женщины, воплощающей домашние добродетели, маркирует в обоих случаях идиллический мир, в который ни странник, ни Вертер не вписаны. Но, если Вертера невозможность приобщения к идиллическому миру Лотты приводит к трагедии, то странник, как уже говорилось, лелеет надежду о возвращении однажды вечером к своей хижине, где его

встретит «такая же женщина с мальчиком на руках».

Хижина на руинах храма и хижина в конце долгого пути

Гётевскому “Der Wandrer” «передала свое имя и основной мотив» [Levy: 289] поэма О. Голдсмита «Путник» (“The Traveller”), вышедшая в свет в 1764 г. Однако стихотворение Гёте полностью лишено социально-критического пафоса, свойственного поэме Голдсмита. Кроме того, «противопоставление природы и искусства пронизывает как это, так и другие стихотворения (Голдсмита – И.Ч.)» [ibid.], а Гёте в монологе странника “Natur! du ewig keimende...” снимает это противопоставление.

Интересно, что бедная хижина, построенная на руинах античного великолепия, у Гёте в итоге благословляется (в том же монологе), тогда как у английского поэта она вызывала осуждение:

Под сводом, видевшим великий Рим,
Но иссеченным временем слепым,
Тревожа мертвых посреди руин.
Жилище строит бедный селянин
И, хижине своей убогой рад,
Дивится роскоши былых громад.
(Пер. А. Парина) [Голдсмит: 30].

«Для Голдсмита хижина на античных руинах – аллегория уничтоженного расцвета

классики. А гётевский путешественник видит, как из руин прорастает прямо-таки доказательство преодолевающей производительной силы божественной природы» [Pache: 145].

Гётевский герой – это не любопытствующий европейский путешественник XVIII в., знакомящийся с нравами и особенностями жизненного уклада в разных уголках земли. Он именно *странник* – блуждающий часто бесцельно, ищущий уединения и вдохновения; он созерцатель и восторженный почитатель природы. Крестьянка, ведущая жизнь, подобно праотцам, счастливая в своем природном мире, построившая хижину на обломках великой культуры, «дитя природы», естественный человек. Хижина же, куда однажды вечером надеется возвратиться странник, где его встретит «такая же женщина с мальчиком на руках», – это эмблема жизни в естественной гармонии с природой. Именно так воспринимался образ хижины публикой XVIII в., увлеченной идеями Руссо, разделявшей провозглашенный им культ природы.

Весьма похожий образ гармоничного патриархального существования в хижине нарисует Вертер в письме от 21 июня: «Так неугомоннейший бродяга [der unruhigste Vagabund] под конец стремится назад, в отчизну, и в своей лачуге [Hütte – ‘хижина’], на груди жены, в кругу детей, в заботах об

их пропитании находит блаженство, которого тщетно искал по всему свету» [Гёте 1978: 25–26]. И далее следует известнейший пассаж о том, как Вертер в своем повседневном бытии осуществляет мечту о жизни в духе героев гомеровской «Одиссеи», ощущая «бесхитростную, безмятежную радость человека» [там же], который кормится трудами своих рук.

Странник и Вертер: о природе творящей и разрушающей

Странника и Вертера сближает напряженное, эмоционально наполненное переживание природы, в которой оба видят и созидательницу, и губительницу. Странник в кульминационном монологе отчетливо выражает штюрмерское восхищение природой как «творящей и разрушающей из полноты бытия» [Жирмунский: 68]. Приведем этот монолог полностью:

«Природа! ты, вечно дающая ростки, / Создаешь каждого для наслаждения жизнью, / Всем своим детям по-матерински / Выделяешь имущество – хижину. / Высоко на карнизе строит ласточка <свое гнездо>, / Не понимая, какое украшение она залепляет; / Гусеница оплетает золотую ветвь, / Чтобы ее потомство <имело> укрытие зимой; / А ты сооружаешь меж минувшего / Благородных развалин / Для нужд своих / Хижину, о человек, / И наслаждаешься <жиз-

ню> над могилами! – / Прощай, счастливая женщина!»¹

«Детьми природы» в монологе названы строящие себе жилище и ласточка, и гусеница, и человек, думающий о насущном и наслаждающийся простыми радостями бытия. Обрести счастье безмятежного существования в хижине мечтает и странник в конце пути. «Направить его шаги» он просит природу [Goethe 1960: 395].

Напомним, панегирик рождающей матери-природе из уст странника звучит после горького укора природе-разрушительнице. Вертер же в письме от 18 августа 1772 г. фиксирует прямо противоположное: «превращение» природы из созидательницы в губительницу, во «всепожирающее и все перемалывающее чудовище»: «Могучая и горячая

любовь моя к живой природе, наполнявшая меня таким блаженством, превращая для меня в рай весь окружающий мир, теперь стала моим мучением и, точно жестокий демон, преследует меня на всех путях. <...> Вокруг меня животворящие силы неба и земли. А я не вижу ничего, кроме всепожирающего и все перемалывающего чудовища» [Гёте 1978: 43–45].

Очевидно, что особенности изображения природы в обоих исследуемых текстах обусловлены фигурами странника и Вертера, точнее, призмой их взгляда: и странник, и Вертер определяют пейзаж, в котором важнее не «вид» (картина природы), а «взгляд», то есть индивидуальное переживание, вызванное увиденным и окрашивающее, нюансирующее увиденное. Такой пейзаж в романе функционирует как инструмент раскрытия

¹ Natur! du ewig keimende,
Schaffst jeden zum Genuß des Lebens,
Hast deine Kinder alle mütterlich
Mit Erbteil ausgestattet, einer Hütte.
Hoch baut die Schwalb an das Gesims,
Unfühlend, welchen Zierat
Sie verklebt;
Die Raup umspinnt den goldnen Zweig
Zum Winterhaus für ihre Brut;
Und du flickst zwischen der Vergangenheit
Erhabne Trümmer
Für deine Bedürfniss'
Eine Hütte, o Mensch,
Genießest über Gräbern! –
Leb wohl, du glücklich Weib! [Goethe 1960: 394]

внутреннего мира Вертера, отражая эволюцию его состояния от наслаждения почти безмятежным покоем, когда душа «озарена неземной радостью» [Гёте 1978: 9], до мучительного страдания, приведшего к смерти: «Эта дивная природа мертва для меня, точно прилизанная картинка; и вся окружающая красота не в силах перекачать у меня из сердца в мозг каплю воодушевления, и я стою перед лицом Божиим, точно иссякший колодец, точно иссохшая бадья!» [Гёте 1978: 71].

В стихотворении об искусстве – уже говорилось о том, что “Der Wanderer” относится к жанру *Künstlergedichte* – пейзаж, безусловно, функционирует иначе. Проникнутое горечью созерцание развалин храма и благоговейный восторг перед природой, вечно возвращающей свои «ростки», объединены общей концепцией природы-творца. Безымянный античный зодчий не просто ее дитя, он ее шедевр. Полиптотон “*deines Meisterstücks Meisterstück*“ (о разрушенном

храме: «твоего мастерского творения мастерское творение») указывает, что природа – вечный и неутомимый художник¹.

Во время пребывания в Италии – через примерно полтора десятилетия после создания “*Der Wanderer*” – Гёте будет размышлять над идеей прарастения и придет к убеждению, что создание новых форм в природе – процесс творческий и греческие художники создавали свои несравненные произведения, познав законы творчества природы. Гёте записал 28 января 1787 г., и запись впоследствии вошла в «Итальянское путешествие»: «...как поступали эти несравненные художники, чтобы из человеческой фигуры создать круг божественных образов, круг вполне заверченный, в котором не забыт ни один из главных богов, равно как и боги младшие и посредствующие. Я предполагаю, что греческие художники действовали по тем же законам, что и природа, на след этих законов я уже напал» [Гёте 1980: 84].

¹ Безусловно, стихотворение “*Der Wanderer*” составляет своеобразную поэтическую параллель статье Гёте «О немецком зодчестве» (1771). А.А. Аникст указал на общий для обоих текстов мотив бессмертия гениального зодчего (эта мысль «впервые пришла Гёте в голову, когда он размышлял о Страсбургском соборе и его строителе» [Аникст: 157]). Также сближает фрагмент стихотворения, посвященный неизвестному античному архитектору, с панегириком Эрвину фон Штайнбаху восторженная интонация их почитателей: «Гений! Над тобой / Обломки / Твоего мастерского творения, / Ты же бессмертен!» [Goethe 1960: 391]. Важным представляется также то, что и восхищенный созерцатель Страсбургского собора, и странник, пораженный зрелищем руин античного храма, способны мысленным взором увидеть шедевр целиком, в его гармоническом великолепии, несмотря на незавершенность готического шедевра и нынешнее плачевное состояние античного.

Вертер-путешественник и Вертер-скиталец

Первые слова Вертера в романе: «Как я рад, что уехал!» [Гёте 1978: 8] – драматическая ситуация с «бедняжкой Леонорой», видимо, заставила его отправиться в путь. Выполнив поручение матери, связанное со спорным наследством, Вертер остановился на неопределенное время в городе, в окрестностях которого располагалась деревушка Вальхейм. Его образ из первой части романа наиболее близок к образу странника из “Der Wanderer”: Вертер неустанно совершает пешие прогулки, восхищается патриархальным бытом, необычайно чувствителен к красотам природы, рисует и размышляет о творчестве: «Я так счастлив, ... так упоен ощущением покоя, что искусство мое страдает от этого. Ни одного штриха не мог бы я сделать, а никогда не был таким большим художником...» [Гёте 1978: 9].

И хотя странником (путешественником) в буквальном смысле слова Вертер может быть назван лишь с некоторой натяжкой, на этом этапе опыт Вертера родственен опыту европейского путешественника XVIII в.: в результате «перемены мест» герой обрел иллюзию освобождения как от груза прошлых неприятностей, так и от прежних социальных связей. Вальхейм для него стал особым пространством путешествия, «где формы социального

восприятия были тоньше, а отношения между индивидами не подлежали надзору общины и диктату обычая»¹ [Рош: 364]: вспомним тесное дружеское общение с Лоттой, невестой Альберта, или внимание Вертера к людям более низкого сословия.

Однако уже в конце первой части романа Вертер становится, если можно так сказать, странником поневоле, он ищет возможности остановить движение – обрести покой, когда нет надежды на счастье. Этот мотив отчетливо звучит в описании пешей «прогулки» после посещения почти потерянной для него Лотты, которая не отказала ему в утешительном поцелуе руки:

«...тогда я рвусь прочь на простор. Тогда я бегу по полям, и лучшая моя отрада – одолеть крутой подъем, проложить тропинку в непроходимой чаще, продираясь сквозь терновник, напарываясь на шипы. После этого мне становится легче, чуть-чуть легче. Иногда от усталости и жажды я падаю в пути, иногда глубокой ночью при свете полной луны я сажусь в глухом лесу на согнувшийся сук, чтобы дать немножко отдыха израненным ногам, а потом перед рассветом забываюсь томительным полусном! – Ах, Вильгельм, пойми, что одинокая келья, власяница и вериги были бы теперь блаженством для моей души. Прощай! Я не вижу иного конца этим терзаниям, кроме могилы!» [Гёте 1978: 46–47].

¹ Одна из характеристик «временного географического межпространства» путешествия в эпоху Просвещения, приведенная историком Д. Рошем.

Во второй части романа мотив «перемены мест» окрашен меланхолической горечью. Служба у посланника полностью лишила Вертера ощущения свободы, а новое общество заключило в жесткие рамки сословной иерархии. Дальнейшие попытки перемещений для достижения если не счастья, то умиротворения также оказались неудачными. Вертер «совершил паломничество [die Wallfahrt] в родные края с благоговением истого пилигрима [mit aller Andacht eines Pilgrims]» [Гёте 1978: 61] и сделал вывод о том, что человеку не нужны безбрежные просторы: ему «нужно немного земли, чтобы благоденствовать на ней, и еще меньше, чтобы в ней покоиться» [Гёте 1978: 62].

Горькое переживание участи скитальца зиждется на фундаменте общего представления о человеческой жизни как странствовании. Короткое письмо, написанное перед путешествием на н-ские рудники, воскрешает известный ветхозаветный образ, представленный в 1-ой книге Паралипоменон (Хроник) и в 118/119 псалме Давида: «Да, я только странник [ein Wanderer], только скиталец [ein Waller] на земле! А чем вы лучше?» [Гёте 1978: 63].

Лютеранская Библия¹: “Denn wir sind Fremdlinge und Gäste [пришельцы/чужие и гости] vor dir wie unsre Väter alle. unser Leben auf Erden ist wie ein Schatten, und

ist kein Aufhalten“ (1. Buch der Chronik 29, 15); „Ich bin ein Gast [гость] auf Erden; verbirg deine Gebote nicht vor mir. Meine Seele ist zermalmt vor Verlangen nach deinen Rechten allezeit.“ (Psalm 119, 19–20).

Русский синодальный перевод: «Потому что странники мы пред Тобою и пришельцы, как и все отцы наши; как тень дни наши на земле, и нет ничего прочного» (1 Пар. 29, 15); «Странник я на земле; не скрывай от меня заповедей Твоих. Истомилась душа моя желанием судов Твоих во всякое время» (Пс. 118, 19–20).

Гётевская версия, вполне возможно, аллегорично обращена к древнееврейскому оригиналу. В любом случае, в перспективе данного исследования, важен выбор воплощающих идею движения слов “ein Wanderer” [странник] и “ein Waller” [скиталец] вместо слова “ein Gast” [гость], которое, скорее, соотносится с идеей чужести.

К той же самой метафоре Вертер обратился в письме от 30 ноября: «Я вернулся, отец мой! Не гневайся, что я прервал странствие [die Wanderschaft], которое по воле твоей, мне надлежало претерпеть дольше!» [Гёте 1978: 75] Готовность прервать мучительное блуждание по жизненным дорогам была проговорена здесь не впервые, и самоубийство Вертера – это и есть самовольно прерванное странствие, которое «дольше претерпевать» оказалось невыносимо.

¹ Цит. по [Die Bibel oder die ganze Heilige Schrift des Alten und Neuen Testaments. Stuttgart, 1912].

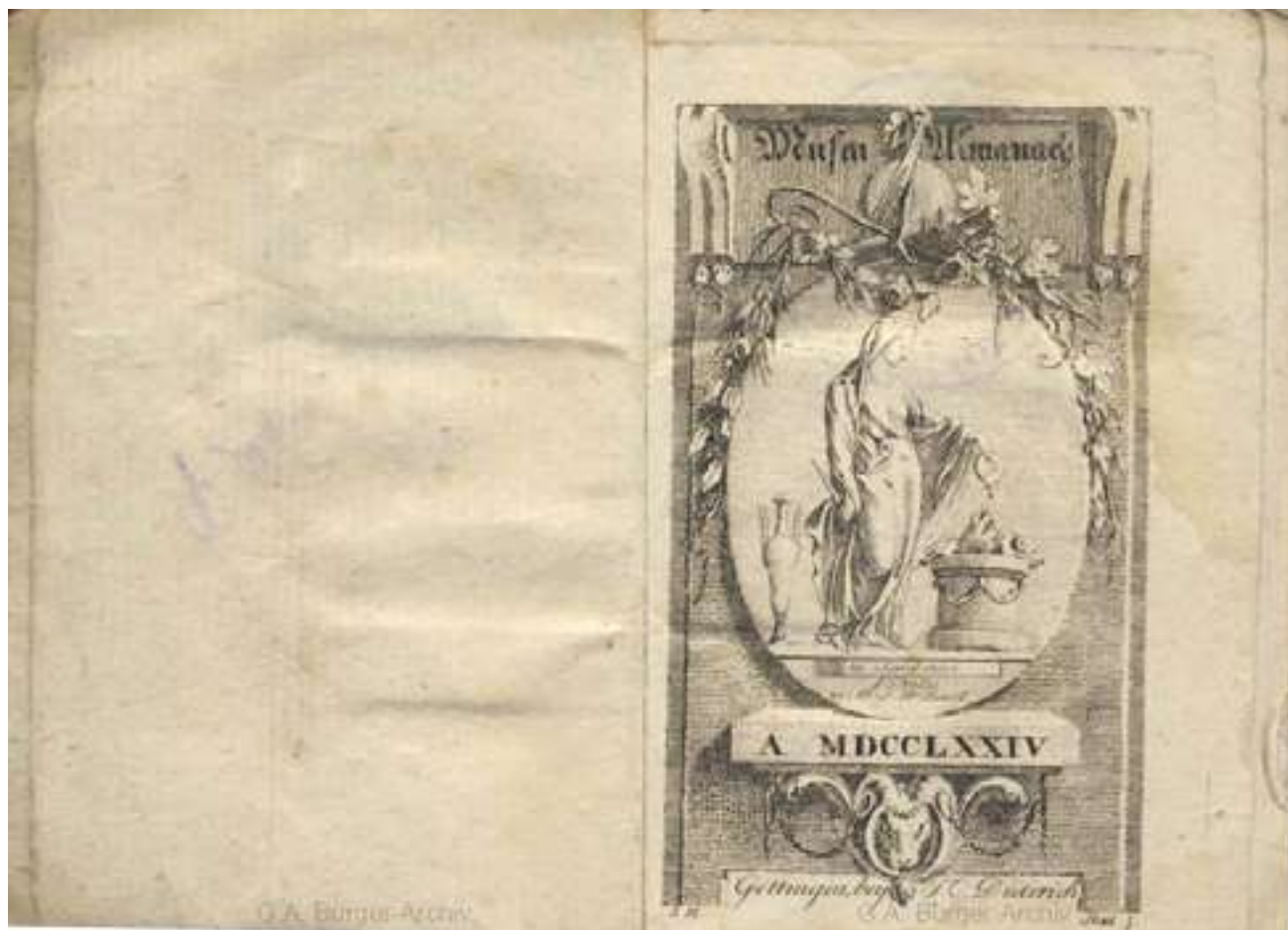
Небольшой стихотворный диалог об искусстве и художнике “Der Wandrer” и эпистолярный роман «Страдания юного Вертера» варьируют близкие образы идиллического существования на лоне природы. Более того, оба произведения воплощают характерный гётевский почти оксюморонный дуэт «странника и идиллии». Однако при удивительной похожести деталей, конституирующих идиллию в романе и диалоге, трактовка мотива странствования в «Страданиях юного Вер-

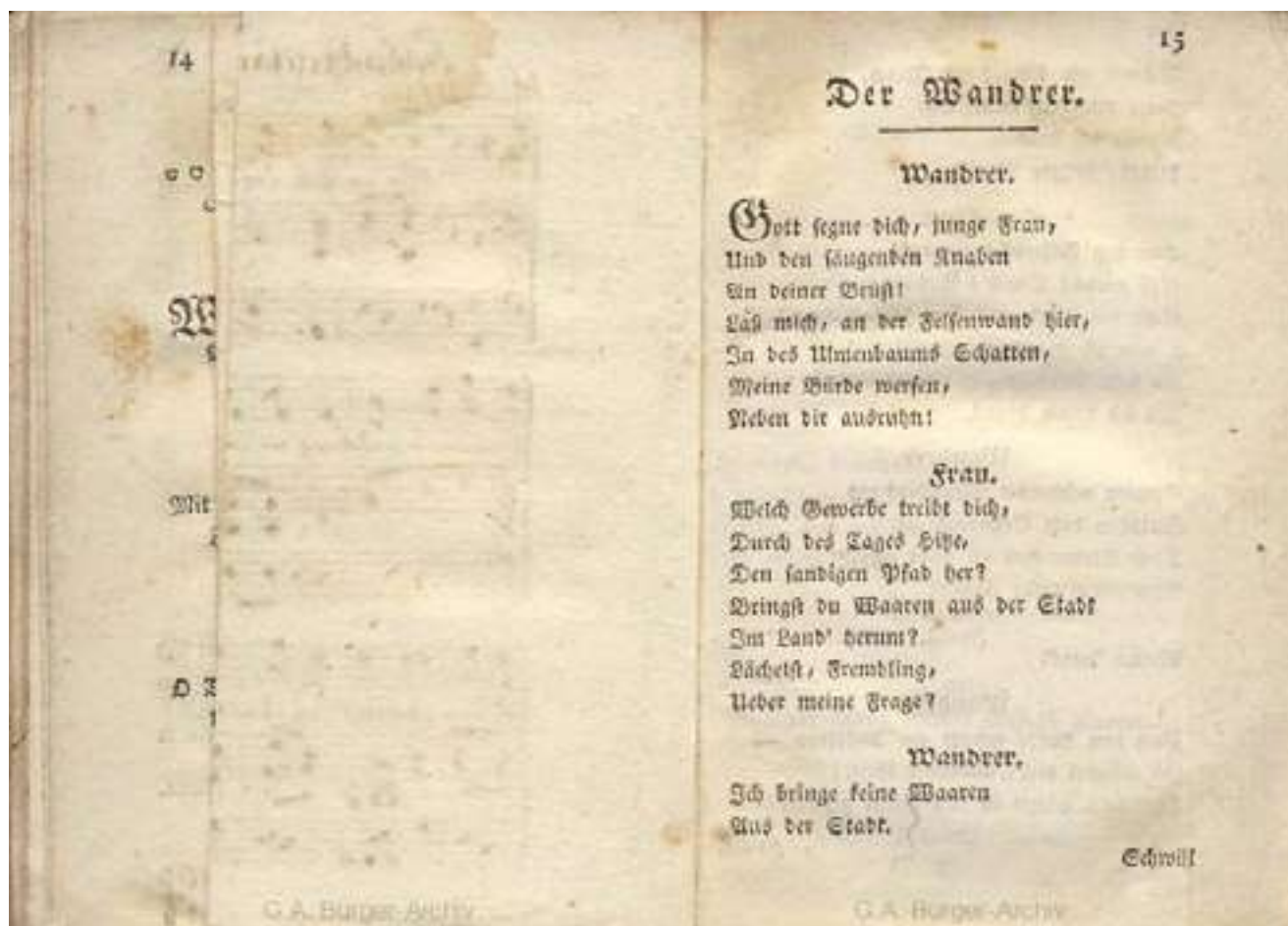
тера» зеркально противоположна трактовке того же мотива в “Der Wandrer”.

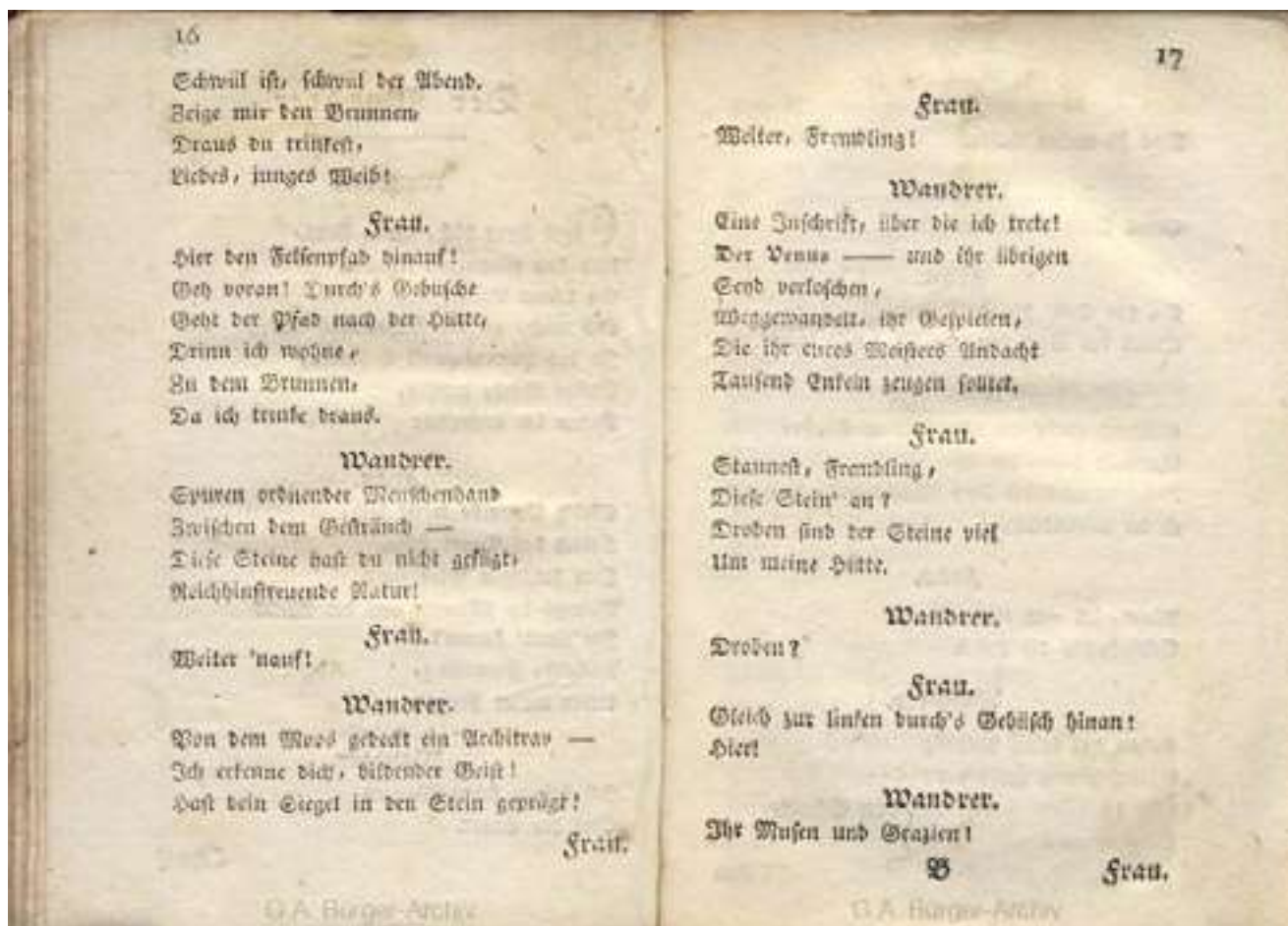
Вертер представлен в романе в двух ипостасях: как Вертер-путешественник и как Вертер-скиталец. И если Вертер-путешественник, родственник герою диалога, воплощает оптимистическую грань странничества, то Вертер-скиталец, не получающий радости от движения, ищущий покоя и прерывающий свой жизненный путь, – самый необычный странник из длинной галереи гётевских странников.

ПРИЛОЖЕНИЕ

«Альманах муз» за 1774 г.

Frau.

Das ist meine Hütte.

Wandrer.

Eines Tempels Krümmung!

Frau.

Da zur Erde hinab
Lulst der Brunnen, da ich trinke krank.

Wandrer.

Glühend webst du über deinem Grabe,
Gentel! Ueber dir ist
Zusammengeschnürt dein Weiserstück,
O du Unsterbliche!

Frau.

Wart, ich will ein
Schöpfgefäß dir holen.

Wandrer.

Erden hat deine schlanke
Wetterbildung umkleidet!
Wie du empor strebst aus dem Schutte,
Säulenpaar!

Und

G. A. Bürger-Archiv

Und du, einsame Schwester, dort!

Wie ihr,

Düstres Moos auf dem heiligen Haupt,
Majestätisch traurend herabschauend
Auf die zertrümmerten

In euren Felsen,

Eure Geschwister!

In des Bromberggesträuchs Schatten
Deckt sie Schutt und Erde,

Und hohes Gras wankt darüber hin!

Schülest du so, Natur,

Deines Weiserstücks Weiserstück?

Unempfindlich zertrümmerst

Du dein Heiligtum,

Eßt Lilia dein!

Frau.

Wie der Knabe schlüß!

Wirst du in der Hütte ruhen,

Fremdling? Wirst du hier

Unter'm Pappelbaum dich sehen?

Hier ist's wohl! Nimmt den Knaben,

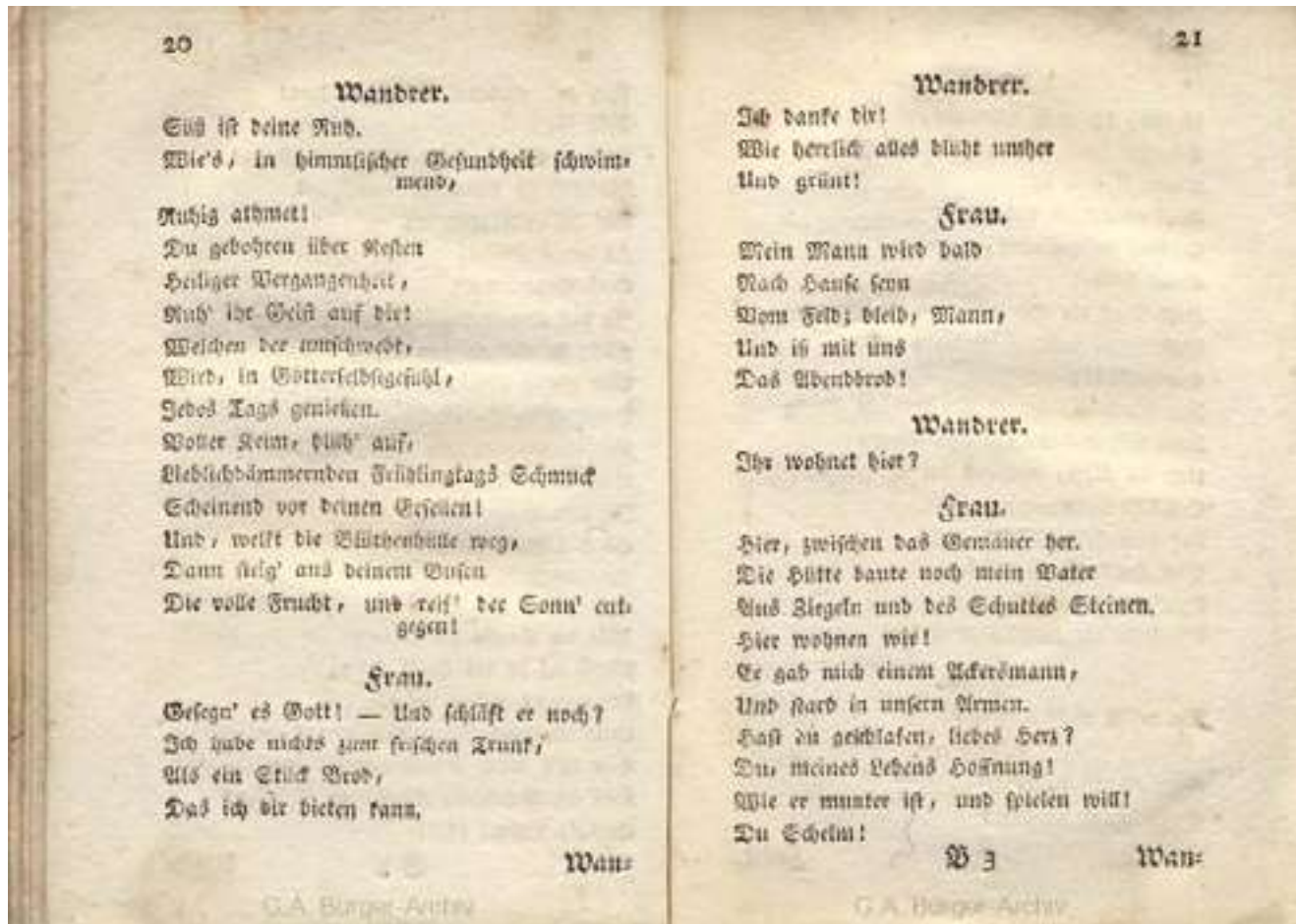
Das ich hinabgeh, Wasser zu schöpfen!

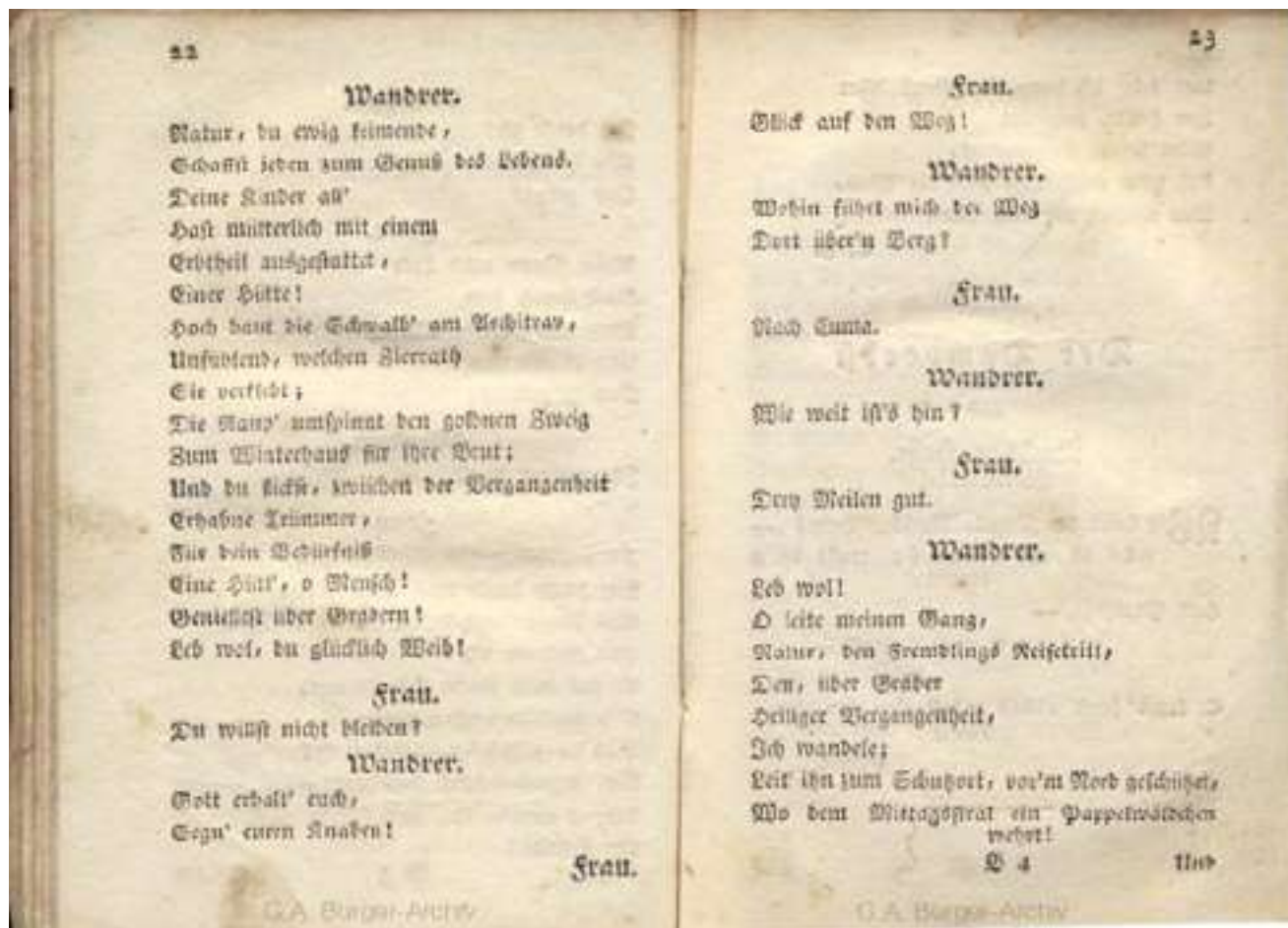
Schlaf, Lieber, schlaf!

W z

Walt

G. A. Bürger-Archiv

Литература

Аверинцев, С.С. Внешнее и внутреннее в поэзии Вергилия // Поэтика древнеримской литературы / под ред. М.Л. Гаспарова. М.: Наука, 1989. С. 22–52.

Аникст, А.А. Творческий путь Гете. М.: Художественная литература, 1986.

Бахтин, М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин, М.М. Эпос и роман. Санкт-Петербург: Азбука, 2000. С. 11–193.

Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида / пер. с лат. С. Шервинского и С. Ошерова. М.: Художественная литература, 1971.

Гете, И.В. Из «Итальянского путешествия» // Гете, И.В. Собрание сочинений в 10 томах / пер. с нем. Н. Ман, А. Михайлова, Н. Вильмонта. Т. 9. М.: Художественная литература, 1980. С. 5–240.

Гете, И.В. Страдания юного Вертера // Гете, И.В. Собрание сочинений в 10 томах / пер. с нем. Н. Ман, Н. Касаткиной, А. Габричевского, С. Шлапоберской, И. Татариновой, А. Федорова. Т. 6. М.: Художественная литература, 1978. С. 7–102.

Голдсмит, О. Путник, или Взгляд на общество // Голдсмит, О. Избранное: Стихи. Векфилдский священник / пер. с англ. Т.М. Литвиновой. М.: Художественная литература, 1978. С. 22–37.

Жирмунский, В.М. Гете в русской литературе. Ленинград: Наука, 1982.

Жуковский, В.А. Путешественник и поселянка // Немецкая поэзия в переводах В.А.

Жуковского / сост. А.А. Гугнин. М.: Рудомино; Радуга, 2000.

Конради, К.О. Гете. Жизнь и творчество. Т.1. Половина жизни. М.: Радуга, 1987.

Рош, Д. Путешествия // Мир Просвещения. Исторический словарь. М.: Памятники исторической мысли, 2003. С. 359–368.

Шиллер, Ф. О наивной и сентиментальной поэзии // Шиллер, Ф. Собрание сочинений в 7 томах / пер. с нем. под ред. Л.Е. Пинского. Т. М.: Гос. изд. худ. лит., 1957. С. 385–477.

Goethe, J.W. von. (1887–1919). Briefe. 1773 [Letters.1773]. In *Goethes Werke*. IV. Abteilung, Bd. 2 [Goethe's works (Vol.2)]. Weimarer, 52–138. Retrieved from: <http://www.zeno.org/Literatur/M/Goethe,+Johann+Wolfgang/Briefe/1773> // (date of access: 20.08.2019).

Goethe, J.W. von. (1887–1919). Briefe. 1831 [Letters.1831]. In *Goethes Werke*. IV. Abteilung, Bd. 49 [Goethe's works (Vol.49)]. Weimarer, 26–184. Retrieved from: <http://www.zeno.org/Literatur/M/Goethe,+Johann+Wolfgang/Briefe/1831> (date of access: 20.08.2019).

Goethe, J.W. von. (1960). Der Wanderer [Wanderer]. In *Poetische Werke in 16 Bänden* [Poetic works in 16 Vols.] (Vol.1). Berliner Ausgabe, 389–396. Retrieved from: <http://www.zeno.org/nid/20004841565> (date of access: 20.08.2019).

Kaiser, G. (1977). *Wanderer und Idylle. Goethe und die Phänomenologie der Natur in der deutschen Dichtung von Gessner bis Gottfried Keller* [Wanderer and idyll. Goethe and the

phenomenology of nature in German poetry from Gessner to Gottfried Keller]. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

Kaiser, G. (2003). Wanderer und Idylle im Werk Goethes – speziell im „Faust“ [Wanderer and idyll in Goethe's work – especially in “Faust“]. In *Goethe-Jahrbuch 2003* [Goethe yearbook 2003] (Vol. 120). Weimar: Hermann Bohlaus Nachfolger, 29–43.

Levy, S. (1885). Goethe und Oliver Goldsmith. In *Goethe-Jahrbuch 2003* [Goethe yearbook 2003] (Vol. 120). *Goethe-Jahrbuch 1885*. №6. S. 281–298. Retrieved from: <http://www.digizeitschriften.de/dms/img/?PID=GDZPPN003036170> (date of access: 20.08.2019).

Pache, W. (1983). Idylle und Utopie: Zur Rezeption Oliver Goldsmiths in der Goethezeit [Idyll and Utopia: Oliver Goldsmith's reception in the Goethe era]. In K. Richter, & J. Schönert (Eds.). *Klassik und Moderne: Die Weimarer Klassik als historisches Ereignis und Herausforderung im kulturgeschichtlichen Prozeß*. [Classical and modern: Weimar classics as a historical event and challenge in the cultural-historical process]. Stuttgart: Metzler, 135–158.

References

Averintsev, S.S. (1989). Vneshneye i vnutrenneye v poezii Vergiliya [External and internal in the poetry of Virgil]. In M.L. Gasparov (Ed.), *Poetika drevnerimskoy literatury*. [Poetics of ancient Roman literature]. Moscow: Nauka, 22–52.

Anikst, A.A. (1986). *Tvorcheskiy put' Gete* [Goethe's creative path]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

Bakhtin, M.M. (2000). Formy vremeni i khronotopa v romane. [Forms of time and of the chronotope in the novel]. In M.M. Bakhtin, *Epos i roman*. [Epic and novel]. Saint Petersburg: Azbuka, 11–193.

Goethe, J.W. von. (1887–1919). Briefe. 1773 [Letters.1773]. In *Goethes Werke*. IV. Abteilung, Bd. 2 [Goethe's works (Vol.2)]. Weimarer, 52–138. Retrieved from: <http://www.zeno.org/Literatur/M/Goethe,+Johann+Wolfgang/Briefe/1773> // (date of access: 20.08.2019).

Goethe, J.W. von. (1887–1919). Briefe. 1831 [Letters.1831]. In *Goethes Werke*. IV. Abteilung, Bd. 49 [Goethe's works (Vol.49)]. Weimarer, 26–184. Retrieved from: <http://www.zeno.org/Literatur/M/Goethe,+Johann+Wolfgang/Briefe/1831> (date of access: 20.08.2019).

Goethe, J.W. von. (1960). Der Wanderer [Wanderer]. In *Poetische Werke in 16 Bänden* [Poetic works in 16 Vols.] (Vol.1). Berliner Ausgabe, 389–396. Retrieved from: <http://www.zeno.org/nid/20004841565> (date of access: 20.08.2019).

Goethe, J.W. (1980). Iz «Ital'yanskogo puteshestviya» [From “Italian journey”]. In J.W. Goethe. *Sobraniye sochineniy v 10 tomakh*. [Collected works in 10 Vols.] (Vol. 9) (N. Man, A. Mikhailov, & N. Wilmont, Trans.). Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 5–240.

Goethe, J.W. (1978). Stradaniya yunogo Vertera [The sorrows of Young Werther]. In J.W. Goethe, *Sobraniye sochineniy v 10 tomakh*. [Collected works in 10 Vols.] (Vol. 6) (N. Man, et. al., Trans.). Moscow: Khudozhestvennaya literature, 7–102.

Goldsmith, O. (1978). Putnik, ili vzglyad na obshchestvo [The traveller. The traveller's prospect of society]. In O. Goldsmith, *Izbrannoye: Stikhi. Vekfildskiy svyashchennik*. [Selected works. Poems. The vicar of Wakefield] (T.M. Litvinova, Trans.). Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 22–37.

Kaiser, G. (1977). *Wandrer und Idylle. Goethe und die Phänomenologie der Natur in der deutschen Dichtung von Gessner bis Gottfried Keller* [Wandrer and idyll. Goethe and the phenomenology of nature in German poetry from Gessner to Gottfried Keller]. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

Kaiser, G. (2003). Wandrer und Idylle im Werk Goethes – speziell im “Faust” [Wandrer and idyll in Goethe's work – especially in “Faust”]. In *Goethe-Jahrbuch 2003* [Goethe yearbook 2003] (Vol. 120). Weimar: Hermann Bohlaus Nachfolger, 29–43.

Konradi, K.O. (1987). *Gete. Zhizn' i tvorchestvo. T.1. Polovina zhizni* [Goethe. Life and creativity. Half a life] (Vol. 1). Moscow: Raduga, 1987.

Levy, S. (1885). Goethe und Oliver Goldsmith. In *Goethe-Jahrbuch 1885* [Goethe yearbook 2003] (Vol. 6), 281–298. Retrieved from: <http://www.digizeitschriften.de/dms/img/?PID=GDZPPN003036170> (date of access: 20.08.2019).

Pache, W. (1983). Idylle und Utopie: Zur Rezeption Oliver Goldsmiths in der Goethezeit [Idyll and utopia: Oliver Goldsmith's reception in the Goethe era]. In K. Richter, & J. Schönert (Eds.), *Klassik und Moderne: Die Weimarer Klassik als historisches Ereignis und Herausforderung im kulturgeschichtlichen Prozeß* [Classical and modern: Weimar classics as a historical event and challenge in the cultural-historical process]. Stuttgart: Metzler, 135–158.

Roshe, D. (2003). Puteshestviya [Travels]. In *Mir Prosveshcheniya. Istoricheskiy slovar'*. [The world Of Enlightenment. Historical dictionary]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 359–368.

Schiller, F. (1957). O naivnoy i sentimental'noy poezii [On naïve and sentimental poetry]. In F. Schiller, *Sobraniye sochineniy v 7 tomakh* [Collected works in 7 Vols.] (Vol. 6) (L.E. Pinsky, Trans.). Moscow: Gos. izd. khud. lit., 385–477.

Virgil. (1971). *Bukoliki. Georgiki. Eneida*. [The Eclogues. The Georgics. The Aeneid] (S. Shervinsky, & S. Oshero, Trans.). Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

Zhirmunskiy, V.M. (1982). *Gete v russkoy literature* [Goethe in Russian literature]. Leningrad: Nauka.

Zhukovskiy, V.A. (2000). Puteshestvennik i poselyanka [The traveller and the countrywoman]. In A.A. Gougnin (Ed.), *Nemetskaya poeziya v perevodakh V.A. Zhukovskogo* [German poetry in translations by V. A. Zhukovsky]. Moscow: Rudomino; Raduga.

**“YES, I AM A WANDERER ON THIS EARTH—A PILGRIM.
ARE YOU ANYTHING MORE THAN THAT?”:
GOETHE’S “THE WANDERER” AND “THE SORROWS OF YOUNG WERTHER”**

Irina A. Chernenko, PhD, Associate Professor at Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia); e-mail: i.a.chernenko@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the motif of wandering, which is repetitive for Goethe’s oeuvre. The motif finds its particular embodiment in the intratextual dialogue of Goethe’s “The Wanderer” (1772) and the novel “The Sorrows of Young Werther” (1774). The novel reveals Goethe’s characteristic “contrasting combination of wanderer and idyll” (Kaiser), which first appeared in “The Wanderer”. The article demonstrates both the similarity of the details constituting the idyll in the novel and the dialogue (images of women, aesthetic motives, unusual landscape representations, etc.), and the contrasting interpretations of the motif of pilgrimage in these works. From our perspective Werther turns to be an untypical wanderer figure as he is longing to interrupt his journey.

Key words: Johann Wolfgang Goethe, “The Wanderer”, “The Sorrows of Young Werther”, idyll, landscape, wanderer, the motif of the wandering.

